
БЕДНОСТЬ И НИЩЕТА РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Б.Г. Тукумцев

В статье приводятся результаты исследований, выполняемых с участием автора в одном из регионов России. Подробно рассматривается методология анализа бедности и нищеты в среде работающих, методики оценки их состояния. Приводятся данные о масштабах бедности и нищеты среди работников производственных предприятий обследуемого региона и их динамике. В статье обосновывается вывод о недостаточности мер, принимаемых органами государственной власти, по сокращению нищеты и бедности. Подчеркивается необходимость создания в стране, наряду с методами подсчета бюджета прожиточного минимума, методов обоснования бюджета социального минимума, определяющего верхнюю границу бедности. Обращается внимание на несоблюдение в России рекомендаций Международной организации труда, в частности, сохранение в России единой величины МРОТ для всех категорий и социальных групп, занятых трудовой деятельностью. Аргументируется ошибочность такого решения.

Ключевые слова: бедность экономическая, нищета, нужда, прожиточный минимум, социальный минимум, социальная политика

В последние годы на страницах отечественных журналов регулярно появляются статьи, посвященные анализу бедности в России. Авторы этих статей основывают свои выводы, главным образом, на данных массовых опросов, выполненных центрами изучения общественного мнения, а также на данных статистики. Значительно реже используются материалы специальных социологических исследований проблем бедности. Статьи дают общее представление о ситуации с уровнем жизни как в отдельных регионах, так и по стране в целом. Но на наш взгляд, их недостатком является то, что, как правило, рассматривается ситуация по населению в целом. И значительно реже — по отдельным его категориям. Одной

из таких категорий, обойденных, на наш взгляд, вниманием, является работающее население. Между тем анализ уровня жизни именно этой части граждан страны имеет особое значение. Ведь это люди, которые должны своим трудом ускорить инновационное развитие страны, обеспечить рост экономики и тем самым способствовать повышению благосостояния общества. А их трудоспособность, мотивация и качество труда в значительной степени определяется уровнем их материальной обеспеченности.

В наших исследованиях, о результатах которых пойдет речь в этой статье, изучалось состояние бедности и нищеты именно тех, кто работает. И, прежде всего, работников промышленных предприятий. Объекты этих исследований находятся в одной из областей, расположенной в центральной части России. Анализ состояния социально-трудовой сферы ведется там уже не один год в режиме мониторинга. Это позволяет проследить некоторые тенденции в происходящих изменениях. Ежегодно в выборку попадает 15–16 средних и крупных предприятий, представляющих различные отрасли промышленного производства области.

Итоговые материалы исследований, наряду со значительным объемом социальных и социально-экономических характеристик, содержат данные о величине и динамике материального дохода, а также об уровне жизни работников промышленности обследуемого региона за несколько лет. Область, в которой проходят исследования, является одним из экономически успешных субъектов Российской Федерации. Поэтому состояние бедности промышленных работников, которое здесь анализируется, не вызвано отсталостью региона.

В процессе работы над статьей, наряду с документами социологического мониторинга, были использованы и данные государственной статистики. Хотя при этом следует иметь в виду, что статистика имеет весьма ограниченные возможности в определении степени дифференциации заработной платы на предприятиях. Органы статистики имеют дело со средними величинами заработной платы и ее максимальным и минимальным размерами. Но о распределении работающих в пределах этой шкалы они данных не имеют. Фиксируя изменение уровня средней заработной платы, они не могут сказать, у какой части рабочих и специалистов произошло это изменение.

Бедность и нищета как социокультурные феномены

В исследованиях бедности практикуется деление бедного населения по составу. Как минимум, оно предполагает наличие в этой категории граждан двух частей [Гордон, Головачев, 1996. С. 25]. Первая из них характеризуется как «социальная бедность». К этой группе относятся нетрудоспособные и малотрудоспособные люди. Преодоление социальной бедности требует определенных финансовых мер со стороны государства,

пересмотра пенсионной системы, строительства интернатов и домов престарелых. Наряду с этим система государственной социальной поддержки может способствовать развитию самостоятельности и активности субъектов этой бедности, направленных на изменение ими самостоятельно своего материального и статусного положения. Опыт по организации этой работы накоплен во многих регионах страны.

Вторая часть группы, относимых к категории бедных, – это экономически бедные или «экономическая бедность». К ним относятся постоянно занятые (нередко квалифицированные) работники, которые не могут обеспечить нормальный уровень благосостояния своей семьи. Они работают полный рабочий день, в полном объеме выполняют требования, предъявляемые их рабочим местом, но имеют среднедушевой доход в семье, который не дает возможность ни им, ни их семьям жить на уровне установившихся в обществе культурных норм.

С точки зрения здравого смысла и наших претензий на принадлежность к Европе это выглядит курьезом. Аналогичный труд в Европе и на американском континенте оплачивается в разы выше. По данным академика Д.С. Львова, часовая ставка в производстве составила в 2006 году в России – 1,7 доллара, в Мексике – 4,5, в Канаде – 17,1, в США – 16,4, в Германии – 22,7 доллара [Львов, 2007. С. 37].

И даже в пределах этой невысокой доли финансовых затрат на отечественных предприятиях персонал делится на «белых» и «черных». Высококвалифицированным работникам и специалистам собственники и администрация вынуждены платить достойную заработную плату. В противном случае они могут их лишиться. Но компенсируют эту, вынужденную для них, меру неоправданно низкими размерами заработной платы, выплачиваемой остальным. Этим они сохраняют высокую норму прибыли, которую ни в одной цивилизованной стране в настоящее время уже получить нельзя. Побудить их к изменению такой политики в области оплаты труда в настоящее время некому. Социальный институт трудовых договорных отношений в России до сих пор не работает. Отдельные исключения не меняют ситуации. Сложившаяся ситуация создает условия для консервации нищеты и бедности среди работников отечественного производства и противоестественной для социального государства разнице в оплате труда на предприятиях.

Внимание исследователей к анализу и оценке масштабов бедности и нищеты в среде работников производства обусловлен не только научным интересом. Это не очередная проблема послереформенной России. Это бедствие. Тяжелое государственное и общественное бедствие, которое, на наш взгляд, является одним из главных тормозов развития экономики страны и ее социальных институтов. Работники наемного труда, которых относят к категории «бедных» или «нищих», это не просто люди, у которых доход на какую-то сумму меньше, чем у других. Это, прежде всего,

носители иной, особой, отличной от культуры общества субкультуры. Ее можно представить как субкультуру нищеты или субкультуру бедности.

Носители этой субкультуры создают ощутимые препятствия на пути экономического и социального развития страны. «Обесцененный» труд снижает мотивацию работников к повышению качества продукции и услуг, не может выступать конкурентом на мировом рынке» [Беляева, 2006. С. 54]. Субкультура бедности, а тем более нищеты, становится источником девиантного поведения на производстве и вне его стен. Все это дает основание для вывода о том, что успешное развитие экономики, а тем более инновационное развитие и низкая, недостойная оплата труда, порождающая субкультуры бедности и нищеты, — несовместимы.

Прожиточный минимум как критерий структуры абсолютной бедности

Все исследователи проблем бедности сходятся на том, что к категории бедных (абсолютно бедных) следует относить тех, чей доход ниже какой-то общепризнанной минимальной величины средств, необходимых для нормального воспроизводства жизни и полноценной адаптации в обществе. Вопрос заключается в обосновании такой величины, которая бы соответствовала современным представлениям об уровне жизни большей части общества. В странах, которые мы именуем как развитые, такой критерий (причем, в разных вариантах) уже давно существует [Никифорова, 1997. С. 90]. Есть и отечественный опыт создания такого критерия бедности.

В девяностых годах в практику анализа уровня жизни на государственном уровне была введена уже давно существовавшая в Советском Союзе, но не имеющая широкой гласности величина прожиточного минимума (ПМ). Этот минимальный бюджет выживания человека был создан в 1918 году [Струмилин, 1958. С. 1–40; Шибяев, 2003. С. 41–47; Литвинов, 2006. С. 51]. В основу подсчета его величины в денежном выражении была положена прежде всего стоимость «потребительской корзины», то есть минимального объема продуктов, достаточных для поддержания не только жизни, но и трудоспособности человека. Кроме того, сюда закладывался норматив оплаты жилья, коммунальных услуг и амортизации одежды. Расчеты выполнялись авторитетными научными и медицинскими организациями того времени. Такой показатель был необходим для обоснования централизованного регулирования величины оплаты труда и контроля над уровнем жизни в стране. Как свидетельствуют некоторые источники, он был необходим для исчисления объемов финансирования затрат на содержание и питание мобилизованных в трудовые лагеря, а затем и заключенных. Позже, начиная с 30-х годов, интерес к совершенствованию методики минимального прожиточного минимума уменьшился. Это было связано

с тем, что информация об уровне жизни в стране была засекречена. Позже, в 50–60-х годах Госпланом предпринимались попытки включить динамику минимального дохода в круг планируемых показателей. Но он никак не поддавался регулированию [Литвинов, 2006. С. 53].

В начале 90-х годов, когда уровень жизни населения России начал катастрофически падать, у руководства страны и регионов появилась потребность получать представление о количественных показателях его динамики. За неимением ничего другого в качестве критерия уровня жизни использовался показатель прожиточного минимума. Методика его расчетов была передана в субъекты Федерации, для подсчетов величины ПМ с учетом местных цен. Результаты подсчетов начали ежеквартально рассматриваться на заседаниях правительства, и публиковаться в печати. В 1992 году, при очередном рассмотрении в Правительстве РФ, набор продуктов и услуг был «временно» сокращен в два раза [Ярошенко, 1991. С. 37–44]. В 1998–2000 годах величина ПМ, также без каких либо разъяснений, увеличилась на 15–20 % [Шибяев, 2003. С. 46].

Ежеквартальными корректировками стоимости «продовольственной корзины» в регионах, учитывающими процесс инфляции, занимались (и занимаются) работники органов исполнительной власти по труду и социальной защите населения субъектов Федерации. Они ежеквартально учитывают изменение цен и их влияние на стоимость «продовольственной корзины». С появлением постоянно корректируемого показателя ПМ органы статистики стали использовать его для отслеживания динамики заработной платы.

Одновременно с этим и они, а вслед за ними и многие исследователи, стали рассматривать величину дохода равного ПМ в качестве верхнего порога бедности [Шибяев, 2003. С. 41; Кадомцева, 2005. С. 51; Белосова, 2006. С. 65], то есть всех тех, кто имел доход ниже прожиточного минимума, они относят теперь к «состоянию бедности». А тех, кто преодолел этот порог, относят к «обеспеченным» или иным группам, которые не характеризуются как «бедные». Вслед за ними величину прожиточного минимума, как грань между бедностью и благополучием, стали рассматривать и некоторые политики.

Но история создания величины прожиточного минимума и практика ее применения в прошлом недвусмысленно свидетельствуют о том, что это ошибка. Величина этого показателя не может рассматриваться в качестве верхней границы бедности. Она является верхней границей бюджета тех работников, которые могут удовлетворять потребности, гарантирующие биологическое выживание. Человек, располагающий доходом по величине меньше прожиточного минимума, не может обеспечить даже свое биологическое выживание.

Тем исследователям, которые постоянно занимаются социально-трудовой сферой организаций, хорошо известно, что обоснованность

величины прожиточного минимума, методика ее исчисления и достаточность заложенных в нем материальных ресурсов всегда вызывали серьезные сомнения. Особенно после определенных манипуляций с его величиной [Иншаков, Фролов, 2006. С. 61; Литвинов, 2006. С. 54].

Тем не менее в отечественных исследованиях уровня жизни ценность такого показателя, как прожиточный минимум, чрезвычайно высока. Представляя на каждый данный момент некую константу, он позволяет делать сопоставимыми данные при анализе уровня оплаты труда и объективно определять те категории работников, которые на свою заработную плату прожить не могут. С его помощью исследователи могут определять те условные границы, которые разделяют ступени бедности. Сам прожиточный минимум представляет собой лишь первую, самую нижнюю границу бедности – границу «нищеты». И если человек имеет уровень дохода ниже этой границы, но не имеет других источников сохранения жизни, то, как показывает опыт времен войны, он выжить не может. Он погибает.

Но, даже превысив порог прожиточного минимума, обладатели несколько большего уровня среднедушевого дохода не становятся сразу богатыми и счастливыми. Голод им действительно не грозит. Но они не просто живут хуже остальных. Они не могут соблюдать те нормы образа жизни, которые приняты в обществе. Они не обладают средствами, чтобы иметь минимальные социальные блага, которыми пользуется основная часть общества (профилактика здоровья, воспитание и обучение детей, оплата бытовых услуг, современные предметы обихода и одежды). Следовательно, существует, как минимум, еще одна граница величины среднедушевого дохода, лишь начиная с которой семья сможет почувствовать себя в какой-то степени обеспеченной. Эту величину можно было бы назвать социальный минимум адаптации в обществе (СМ).

Первыми, кто обратил внимание в отечественных изданиях на многоуровневую структуру «абсолютной бедности», были Л.А. Гордон и Б.В. Головачев [Гордон, Головачев, 1996. С. 26]. Они считают, что бедность имеет три степени. Первая степень – это «нищета», низший уровень бедности. Показателем этого рубежа, пишут они, отделяющего «нищету» от остальных бедных, может служить стоимость минимального набора продуктов питания, то есть прожиточный минимум. Вторая степень абсолютной бедности – «нужда». Это – средний уровень бедности. Здесь хватает средств на простейшие физиологические нужды, но отсутствует возможность удовлетворить полностью социальные потребности, даже самые элементарные. По предложению авторов, нижней границей этой второй степени следует рассматривать уровень среднедушевого дохода равный величине прожиточного минимума. Верхнюю границу второй ступени – «нужды», за которой следует ситуация умеренной бедности, они предлагают определить в соответствии со среднедушевым доходом равном удвоенной величине прожиточного миниму-

ма. Третий уровень – «умеренная степень бедности». На этой ступени уже удовлетворяются элементарные потребности как физиологические, так и социальные. Но все это доступно лишь с более низким уровнем качества, чем тот, который характерен для более зажиточной части общества. Проблемами это группы, считают авторы, могут быть: невозможность приобретения жилья, личного транспорта, современной домашней техники, невозможность дать желаемое образование детям, отсутствие достаточных ресурсов для заботы о своем здоровье, ограниченность досуга.

Процедура, которая используется в этом случае при определении той или иной группы абсолютной бедности, сводится ими к соотношению уровня дохода работающих с величиной прожиточного минимума. Но в этом-то, на наш взгляд, и заключается слабое место такого подхода. На наш взгляд, нет никаких оснований, чтобы рассматривать величину прожиточного минимума в качестве мерительного инструмента для определения структуры бедности. Эта величина, соответствующая нижнему пределу потребления, который позволяет сохранить здоровье и жизнь. И ее можно признать вполне научно обоснованной. Но навряд ли можно найти аргументы для утверждения того, что верхняя граница «нужды» – второй ступени бедности – соответствует двум величинам прожиточного минимума, а третья – трем. Следует признать, что это очень условный, формальный подход.

Единственно правильным решением этой задачи является, на наш взгляд, создание второго параметра бедности – социального минимума (СМ), о чем уже говорилось выше. Алгоритм определения его величины должен в чем-то напоминать работу над величиной прожиточного минимума. Здесь также необходимо обосновать перечень материальных потребностей, удовлетворение которых гарантирует адаптацию человека к тем основным культурным правилам, которые действуют в значительной части общества. Причем, продуктовый набор и его стоимость должны быть уже другими, соответствующие не выживающему человеку, а человеку развивающемуся. Именно так определяется социальный прожиточный минимум в развитых странах. Это серьезная научная работа, требующая участия в ней специалистов разного профиля.

По своей сложности она превосходит разработку прожиточного минимума. И не только по объему необходимых исследований. И не только потому, что состояние культуры и потребления в разных регионах существенно различается, но еще и потому, что постоянно спорным будет оставаться вопрос – по уровню жизни какой группы общества следует провести верхнюю границу бедности, удовлетворение каких потребностей должны при этом рассматриваться в качестве признанного обязательным. И не исключено, что величина этого показателя всегда будет условной, усредненной, подвижной во времени. Но в этом нет ничего страшного. Полученная расчетная величина, которая сможет на какой-то

период стать верхней границей бедности, позволит более полно представить себе на какой-то момент размеры наиболее бедной части населения, не путая ее с относительной бедностью, и принимать меры по ее сокращению. Пока же такого параметра не разработано. И в своих исследованиях мы сами вынуждены для оценки структуры абсолютной бедности использовать те же критерии, которые предложили Л. Гордон и Б. Головачев — величину прожиточного минимума и ее удвоенную величину.

Итак, процедура, которая обычно используется исследователями при определении в той или иной группе работников доли абсолютно бедных, заключается в соотношении уровня дохода ее членов с величиной прожиточного минимума. Но, строго говоря, это не вполне корректный подход. Фактический уровень жизни работающего определяется не уровнем его заработной платы или иного дохода, которым он располагает, а величиной среднедушевого дохода в его семье. Этот подход к определению уровня жизни работника в свое время обосновал еще К.Маркс. Поэтому более обоснованным подходом к определению категории по уровню жизни, к которой следует отнести работника, является соотношение не его заработка, а среднедушевого дохода его семьи с величиной прожиточного минимума. Если доход ниже данной величины, то можно сделать вывод о том, что семья данного работника бедствует. Ведь прожиточный минимум — это минимум средств, чтобы выжить, находясь в обществе. А люди, которые имеют среднедушевой доход ниже этого уровня, лишены таких средств. Они находятся в зоне «нищеты».

Нередко в статьях авторы как бы стесняются использовать понятие «нищета» [Бобков, 2006. С. 59; Блинов, Сидорова, 2006. С. 63]. Они называют всех бедными, не выделяя тех, кто не имеет достаточных средств даже для выживания. Как правило, такой подход используют экономисты и статистики. А с их подачи также оценивают эту группу и политики. Среди них распространено мнение, что бедность заканчивается с достижением дохода соответствующего величины ПМ [Шибаев, 2003. С. 42].

В принципе этот подход допустим, если говорить о делении общества на «бедных» и «богатых». Но если рассматривать степени бедности, то от сурового слова «нищета» отказываться не следует. Во-первых, потому, что числом людей, относящихся к этой группе, масштабы абсолютной бедности не ограничиваются. А во-вторых, потому, что этот термин характеризует специфику жизнедеятельности группы, которая борется за биологическое выживание. Трудно сказать с какой целью, но некоторые наши экономисты и статистики убедили политиков и правительство, что задача борьбы с бедностью завершается на рубеже, соответствующем верхней границе ПМ. Это грубая стратегическая ошибка. Проблема бедности имеет куда более внушительные объемы. Ну, а что касается термина «нищета», то надо быть реалистами. Естественно, неловко признавать, что кроме бедности, которая присутствует даже в развитых странах, мы

имеем значительную группу людей, ведущих нищенский образ жизни. Но это необходимо для того, чтобы дать объективную оценку реальной ситуации и определить реальные меры по ее изменению.

Масштабы нищеты и бедности на предприятиях

Прежде чем перейти к обоснованию мер, которые должны приниматься по улучшению материального положения работников промышленности, имеет смысл определиться с ценой этой проблемы. То есть определить, о каких масштабах «экономической бедности» среди работников промышленности идет речь? Действительно ли столь значим этот феномен? Мы располагаем материалами исследований за несколько лет по ряду промышленных предприятий. Ранее уже говорилось о том, что эта область в последние годы рассматривается статистиками как медианная территория. Это придает анализу полученных здесь данных особое значение.

Как и в целом по стране, по промышленным предприятиям этого региона за последние четыре-пять лет наблюдается тенденция роста номинальной и реальной величины оплаты труда. По данным областной статистики, средняя заработная плата по обрабатывающим производствам промышленности в конце 2007 года составила 13,8 тысяч рублей. Реальная заработная плата при этом увеличилась почти на 19,7 % по сравнению с предыдущим годом.

Это повышение оплаты труда произошло и происходит в последние годы не в результате акций работающих, не под влиянием органов власти, не в результате проснувшегося человеколюбия бизнеса, а как вынужденный шаг из-за тяжелейшего положения на рынке труда. С конца 90-х годов обозначился острый дефицит промышленных работников высокой квалификации. В этой ситуации предприятия пытаются переманить друг у друга и даже из других регионов рабочих-специалистов, повышая на пустующих рабочих местах оплату труда. Именно в результате этой «охоты за кадрами» средняя величина заработной платы в промышленности достигла тройной величины прожиточного минимума (3,1).

Но одновременно на предприятиях увеличилась и дифференциация оплаты труда. О чем статистики, как правило, умалчивают, не располагая соответствующими данными. Увеличение дифференциации связано с тем, что происходящее повышение зарплаток касалось, прежде всего, наиболее квалифицированной части работников. Тех, кого не так просто найти на рынке труда. В то же время у работников, в которых предприятия не ощущали особого дефицита, повышение зарплаты оказалось очень незначительным. Разве что в качестве компенсации за рост инфляции. Хотя некоторая часть работников не получили в минувшем году и этой прибавки.

Те, кто ведет исследования на предприятиях, хорошо знают, что представление о размерах дифференциации заработной платы невозможно

получить с помощью данных, которыми располагает статистика. Возможность заглянуть в бухгалтерскую документацию на предприятиях также исключается, так как она, как известно, входит в число наиболее охраняемых секретов предприятия. Поэтому в данных исследованиях пришлось пойти по пути получения сведений о размерах заработка каждого, вошедшего в выборку работника, непосредственно в ходе опроса. Анализ этой информации позволил получить некоторое представление о величине оплаты труда, о степени ее дифференциации и динамике.

Опасения в возможном искажении получаемых таким способом данных не безосновательны. Некоторые респонденты стремятся утаить величину своего заработка и несколько ее урезают. Другие, наоборот, «округляют» ее до больших величин. Но в среднем исследователи получают ту величину, которая очень близка к тому, что имеет статистика в среднем, за минусом 13 %. Респондентов просят показывать «чистый», за вычетом налога, заработок. В соответствии с полученными таким образом данными можно заключить, что доля работников, получающих заработную плату, которая по размеру меньше величины прожиточного минимума, практически не сокращается. В течение последних пяти лет она колеблется в пределах от 5,0 до 9,0 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение доли респондентов с уровнем заработной платы ниже прожиточного минимума в 2003–2007 годах, % к общему числу участников опроса

<i>Год</i>	<i>Доля респондентов</i>
2003	8,5
2004	5,3
2005	9,4
2006	6,6
2007	8,0

Из таблицы следует, что в 2007 году доля работников, зарплата которых была меньше величины прожиточного минимума, составила 8,0 %. Чисто математически — это величина не велика. Но следует иметь в виду, что в абсолютном значении она соответствует 29,0 тысячам промышленных работников области. Эту величину уже нельзя назвать незначительной. И, тем не менее, эта величина говорит нам лишь о том, какая доля работников получает заработную плату в размере ниже прожиточного минимума. Но это еще не дает нам повода говорить о масштабах бедности на предприятиях. При мизерной зарплате работник может в семье пользоваться доходами других, более высокооплачиваемых членов его семьи.

Мы уже говорили о том, что уровень благосостояния работника зависит не столько от его заработка, сколько от величины среднедушевого дохода в его семье. Этот доход зависит от числа членов семьи, от уровня дохода самого работника и от суммы доходов других членов семьи. Такие подсчеты были предусмотрены программой исследований и выполнялись в процессе опроса. Это позволило выделить долю работников, у кого этот доход ниже прожиточного минимума, а также тех, у кого он находится в диапазоне от одинарной величины до двойного значения этого показателя. Это дало возможность говорить и о доле тех работников промышленности, которые соответствуют второй степени бедности — «нужде».

Ниже приводятся результаты подсчета размеров двух ступеней бедности среди промышленных работников промышленных предприятий области в динамике за пять лет (табл. 2). Приведенные данные подтверждают высказанный ранее оптимизм в части неуклонного, но очень медленного сокращения доли бедных в промышленной сфере. Совершенно очевидно, что такие темпы не сулят скорого решения этой проблемы.

Таблица 2

Изменение доли респондентов по двум ступеням бедности среди промышленных работников промышленных предприятий области в 2003–2007 годах, % к общему числу участников опроса, по годам

<i>Год</i>	<i>Ниже одного прожиточного минимума (нищета)</i>	<i>От 1 до 2,0 прожиточных минимумов (нужда)</i>	<i>Всего «бедных» первой и второй ступени</i>
2003	44,1	36,8	80,3
2004	32,1	37,7	69,8
2005	35,6	37,3	72,9
2006	25,3	39,1	64,4
2007	22,4	39,2	61,6

Обращает на себя внимание значительные размеры группы, которая относится к категории «нужда». Это те, кто указал среднедушевой семейный доход в диапазоне от величины одного прожиточного минимума до двух его значений. Размер этой группы приближается к 40 % и вместе с группой, относящейся к категории «нищеты», охватывает более половины опрошенных рабочих. Можно ли верить этим данным?

Необходимо признать, что сведения о величине среднедушевого дохода в семьях, полученные в процессе опроса с участием самих респондентов, рассматриваются исследователями как менее надежные, чем данные о величине их заработной платы. Вероятность занижения фактической величины дохода здесь резко возрастает. Некоторые респонденты то забывают

включить доход кого-то из членов семьи в общую сумму, то указывают эти доходы не полностью. Иногда это вызвано стремлением не демонстрировать более высокий уровень жизни. В результате этого исследователи могут получать заниженные величины доходов, которые в конечном счете искусственно завышают число бедных. Это естественный риск использования данных, получаемых в процессе опроса. Проверку величины этого завышения можно попытаться оценить, используя субъективную оценку респондентами материальной обеспеченности своих семей. В этом случае его не просят сообщать величины доходов. Он должен сказать, насколько обеспечена материально его семья. В результате такой процедуры появляется возможность сопоставить распределения, полученные разными методами.

Ниже приводятся полученные на основе обработки данных опроса распределения, которое дает представление о том, к каким категориям по уровню материальной обеспеченности относятся, по мнению респондентов, их семьи (табл. 3). В опросе использовалась шкала, состоящая из пяти категорий материальной обеспеченности. Для облегчения восприятия в приведенных ниже распределениях объединены две первых категории («Вполне обеспеченная» и «Более-менее обеспеченная») и две последних категории («Не обеспечена самым необходимым» и «Бедствующая») в процентах к общему числу опрошенных.

Таблица 3

Изменение доли респондентов по субъективной оценке материальной обеспеченности среди промышленных работников промышленных предприятий области в 2003–2007 годах, % к общему числу участников опроса, по годам

<i>Категории семей</i>	<i>Годы</i>		
	<i>2004</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>
Вполне обеспеченные и более-менее обеспеченные семьи	50,8	51,4	58,9
Малообеспеченные	43,1	40,1	36,6
Не обеспеченные самым необходимым и бедствующие семьи	6,1	8,4	4,5

К категории бедных в этом распределении, по нашему мнению, относятся малообеспеченные, не обеспеченные самым необходимым и бедствующие. Как нетрудно заметить, полученная по этой методике доля «бедных» оказывается меньше, чем доля, подсчитанная на основе величины среднедушевого дохода.

Нам представляется, что при субъективной оценке своей материальной обеспеченности немалую роль в ее формировании играет представле-

ние респондента о том, что такое обеспеченность. Люди, прожившие большую часть жизни в условиях советской действительности и равной бедности, имеют о ней адекватное тому времени представление. В те годы удовлетворялись лишь наиболее элементарные человеческие потребности, а все остальное считалось чуждым сложившемуся образу жизни. Как наследие тех лет, горожане до сих пор имеют небольшие натуральные хозяйства (огороды и даже приусадебные хозяйства в небольших городах), играющие важную роль в материальной поддержке семьи. И считают это нормальным образом жизни, создающим их обеспеченность.

Определить точную границу между абсолютной бедностью и обеспеченностью на основе социологического опроса, судя по всему, невозможно. Здесь необходимы иные, более трудоемкие и более затратные исследовательские методы. Субъективное восприятие своего материального положения и стремление исказить свой действительный материальный доход зависят от очень многих обстоятельств. Уверенно мы можем утверждать то, что фактический размер доли работников промышленности, которых следует рассматривать как «бедных», находится в диапазоне от 40 до 60 % от числа работающих.

Нельзя не отметить, что наша оценка состояния бедности не полностью совпадает с цифрами, показанными другими авторами, но достаточно близка к ним [Беляева, 2006. С. 59; Бобков и др., 2006]. Государственная статистика, как уже отмечалось выше, рассматривает в качестве бедных только тех, чьи доходы не превысили величины прожиточного минимума. Между тем они показывают только тех, кто находится в состоянии «нищеты». И называет их при этом «бедными».

Это позволяет говорить о недооценке статистиками, и, к глубокому сожалению, не только ими, чрезвычайно высокой «цены проблемы» бедности в стране и, в частности, на промышленных предприятиях. Недооценивается необходимость определения «социального минимума» и доведения доходов работников предприятий до его рубежа. Потому что без этого проблему бедности и субкультуры бедности решить невозможно. Непонимание этого вызывает озабоченность. Ибо бедность уже представляет опасность как своими масштабами, так и возможными последствиями.

Реальность сокращения бедности среди работников промышленности

До настоящего времени уровень оплаты труда на российских промышленных предприятиях на протяжении двух десятилетий перестройки и реформ определял только рынок. Профсоюзы в процесс регулирования величины зарплаты работникам наемного труда не вмешивались. Устанавливаемый государством минимум оплаты труда, как будет показано ниже, никакого влияния на борьбу с бедностью в среде

промышленных работников, да и вообще работающего населения, до последнего времени не оказывал.

Мировая практика трудовых отношений, в отличие от российской, располагает в настоящее время более разносторонним опытом. Опытom многих десятилетий в решении проблем, связанных с регулированием размеров заработной платы работников наемного труда. Государства с развитой экономикой располагают в настоящее время разнообразными социальными механизмами преодоления бедности в рядах работающего населения. Речь идет о тщательно подготовленном и принятом трудовом законодательстве, о готовности профсоюзов и их адвокатуры к оперативному вмешательству в назревающие трудовые конфликты, о широкой системе многостороннего контроля за соблюдением на предприятиях условий оплаты и условий труда и четкой организации обсуждения вопросов повышения оплаты труда, при возникновении для этого законных оснований.

Не в последнюю очередь у них это обусловлено более ранним началом индустриального производства и постепенным переходом к постиндустриальному укладу труда. За минувшее столетие в развитых государствах произошло стремительное развитие научных школ управления и организации труда, профсоюзной деятельности и процессов демократизации общества. Это позволило правительствам этих стран снять ряд вопросов противостояния работодателей и работников наемного труда и добиться выплаты достойной заработной платы всем постоянно работающим.

Россия значительно позднее вступила на индустриальный путь, что не могло, естественно, не сказаться на степени развития культуры трудовых отношений. Необходимо учитывать и роль советского периода нашей истории, подавившего рынок труда и инициативу работающих в защиту своих прав. Определение величины оплаты труда было исключено из компетенции предприятий и стало прерогативой плановых органов страны. Высказывания по поводу низкого уровня заработной платы рассматривались как антигосударственная деятельность, как проявление несознательности и оставались без удовлетворения.

Известны факты и более трагических последствий попыток добиться изменения размеров своей зарплаты. В 1958 году демонстрация работников Новочеркасского электровозостроительного завода, требовавших повышения оплаты труда, по приказу Н.С. Хрущева была расстреляна. Подробности этой зверской расправы были засекречены до последнего времени [Мардарь, 1992; Козлов, 1999; Пихоя, 2000]. Но люди о событиях знали и делали для себя выводы по части возможности выступлений с требованиями повышения оплаты труда. Что же касается отечественных профсоюзов, то они за всю историю СССР никогда не выступали с инициативой пересмотра заработной платы. Они были созданы не для этого и рассматривались как «приводной ремень» между трудящимися и партией коммунистов. В отдельных, исключительных

случаях инициативу по коррекции оплаты труда проявляли, и то в аппаратном порядке, партийные органы.

В странах развитого капитала, еще в XIX веке заключались коллективные договоры и тарифные соглашения, где подробно оговаривались вопросы оплаты труда [Лютов, 2007. С. 7–31]. Профессиональные объединения, существующие, практически, прежде всего и только для защиты наемных работников на переговорах с работодателями, на протяжении десятилетий совершенствовали методы борьбы за выполнение этих соглашений и достойный уровень оплаты труда. Они использовали возможности забастовочного движения, политического давления, судебных исков. По мере постепенного укрепления демократических норм жизни в этих странах профсоюзами и левыми партиями все более настойчиво предпринимались попытки привлечь внимание законодательной власти и глав государств к недопустимости произвола со стороны собственников:

Первые законы о контроле над размерами минимальной заработной платы появились в Австралии (1804 г.) и Новой Зеландии (1896 г.). Их целью было предотвращение забастовок... В Великобритании, например, первый закон о минимальной заработной плате был принят в 1909 г. [Никифорова, 1997. С. 87].

Властные структуры этих государств очень долго не могли изменить свою позицию, традиционно ориентированную на поддержку работодателей, как основных налогоплательщиков и гарантов развития государства. И лишь двадцатый век, в условиях научно-технической революции, технологических переворотов и изменения роли и места человека в современном производстве и обществе, внес существенные коррективы в систему трудовых отношений. Под влиянием происходящих глобальных изменений политические лидеры и партии начали осознавать, что в справедливой оценке результатов труда, высоком уровне его оплаты таится не только благо для работников, не только создание условий для их воспроизводства и развития. Стало очевидным, что благосостояние работников наемного труда гарантирует политическую стабильность государств, создает предпосылки роста производственного могущества стран, обеспечивает необходимые условия для инновационного развития экономики [Лютов, 2007. С. 18–19]. Был осознан тот факт, что в условиях позднеиндустриального и постиндустриального уклада производства экономические перспективы государства в значительной степени зависят от его способности воспроизводить человеческий капитал, повышая качество труда и жизни работающих граждан. Система законов о труде оказалась столь всеобъемлющей, что ее функционирование существенно уменьшило потребность в профсоюзах и их объединениях:

Только за последние 3 года численность профсоюзов в США сократилась на 19 %, и сейчас в их рядах состоят 13 млн человек. Это лишь 12,5 % от всех работающих американцев, причем в частном секторе

данный показатель еще ниже – всего 8 %. Пик численности профсоюзов пришелся на 1945 г., когда они объединяли 35,5 % наемных работников [Эдуардов, 2005].

Защиту прав работника наемного труда начало в значительной степени осуществлять государство с его прокурорской, судебной системами и системой инспекторов труда. Одной из наиболее существенных мер в этой области стало установление минимальной заработной платы, обязательной для организаций и предприятий страны. Такая мера рассматривалась как введение стандарта, нижней точки отсчета, ниже которой не может быть заработная плата наемных работников. Еще в 1928 году Международная организация труда (МОТ), опираясь на положительный опыт ряда стран, приняла Конвенцию по установлению МРОТ во всех странах участницах [Конвенция...]. Она потребовала, чтобы установленный размер МРОТ был обязательным для всех групп, работающих по найму. При этом рекомендовался дифференцированный подход к определению минимальной оплаты труда для разных категорий работников наемного труда. Благодаря этой конвенции, законодательное решение МРОТ получило широкое распространение в мире:

Во Франции в 1950 году был принят Закон о гарантированном межпрофессиональном минимуме заработной платы, охвативший практически всех работников. Законы о минимальной заработной плате широкого действия были приняты и в других странах: Испании (1963 г.), Нидерландах (1969 г.), Португалии (1974 г.), Бельгии (1975 г.) [Никифорова, 1997. С. 88].

В соответствии с этим требованием международной организации минимальная величина оплаты труда была установлена в свое время и в Советском Союзе, а после его распада и в России [Литвинов, 2006. С. 54]. В период, когда происходили события, связанные с переходом к рыночной экономике и беспримерной инфляцией, трудно было ожидать серьезного внимания к обоснованию величины этого показателя. Но по прошествии почти двух десятков лет с момента начала реформ создается впечатление, что справедливый, научно обоснованный подход к установлению в стране минимума оплаты труда до сих пор так и не состоялся. Устанавливаемый Госдумой почти ежегодно МРОТ не имеет никакого отношения к реалиям жизни и здравому смыслу. На величину денежных средств, утверждаемую ежегодно Государственной Думой в качестве МРОТ, до 2008 года невозможно было не только прожить, но и выжить. И только сейчас появилась надежда на доведение этого показателя хотя бы до величины прожиточного минимума.

Создается впечатление, что депутаты Госдумы не знают размеров установленного в стране размера прожиточного минимума, величина которого выше, чем величина МРОТ. Такая думская игра с его величи-

ной никак не защищает права работника на получение оплаты труда, позволяющей ему хотя бы нормально существовать. Она не направлена на борьбу с бедностью. Она ее закрепляет. И что особенно странно, что Федерация независимых профсоюзов ни разу не заявила протеста против таких решений высшего законодательного органа страны.

Таблица 4

Соотношение устанавливаемого законодателями страны минимального размера оплаты труда (с 2000 года по настоящее время) и величины прожиточного минимума, подсчитываемого в этот же период на основе реальных цен по обследуемой нами области

(величина ПМ приводится здесь по последнему кварталу каждого года)

<i>Год</i>	<i>Величина МРОТ, р.</i>	<i>Величина прожиточного минимума, р.</i>	<i>Доля МРОТ от величины прожиточного минимума, %</i>
2000	83,5	979,0	8,5
2002	450,0	1 976,6	22,8
2004	600,0	2 630,1	22,8
2006	1 100,0	3 731,1	29,5
2007 (с 1.09)	2 300,0	4 595,0	50,1

Анализ данных по соотношению величины прожиточного минимума с величиной минимальной оплаты труда (табл. 4) неизбежно влечет за собой вопрос о причинах установления столь бессмысленного минимального рубежа оплаты труда, который не имеет никакого отношения к улучшению жизни работающего населения. Ведь даже еще в 2007 году узаконенная величина МРОТ допускала выплату работнику зарплаты, которая соответствует половине прожиточного минимума. И работник, получающий эту узаконенную зарплату, заведомо оказывается за гранью нищеты.

Это настолько очевидно, что до настоящего времени никто не рассматривал МРОТ всерьез как инструмент продуманной социальной политики. Мало того, показателю МРОТ придумали работу по совместительству. Рассчитывая на его неизменность, депутаты использовали действительно стабильную на протяжении многих лет величину МРОТ в качестве единицы при взимании штрафов за различного рода неисполнение принятых законов. Об этом говорит, например, А. Никифорова:

...В настоящее время минимальная заработная плата в стране служит лишь расчетным показателем и никак не соотносится с уровнем жизни, даже в рамках прожиточного минимума [Никифорова, 1997. С. 86].

Существует и еще одно, достаточно циничное мнение по поводу того, что повышение стоимости рабочей силы сделает производство в России менее привлекательным для инвесторов. Это действительно так. Сегодня на многих иностранных и совместных предприятиях заработная плата существенно ниже, чем та, которая выплачивается в стране инвестора, а иногда ниже, чем на предприятиях, построенных этим же инвестором в так называемых развивающихся странах (в Азии, Африке). Низкий уровень оплаты в России действительно является дополнительным стимулом для притока иностранного капитала. Но продолжение такой политики для России чревато. Уже сегодня страна имеет тот масштаб бедности работающего населения, который реально тормозит ее развитие. Пришло время для того, чтобы проявить политическую волю и отказаться от такого пути привлечения инвесторов.

Не следует забывать, что именно сохранение и закрепление законом мизерной минимальной оплаты труда, устанавливаемой государством, породило начало эпохи «серых зарплат», которые не облагаются ни одним из видов налога. Работник расписывается в ведомости за сумму, несколько превышающую МРОТ, а остальную часть получает «в конверте». Таким образом, охраняя бюджет от повышения минимальной зарплаты в бюджетной сфере, Госдума невольно помогает отдельным субъектам бизнеса недоплачивать в этот бюджет огромные суммы налога.

Еще одна причина, которая неоднократно высказывалась депутатами Госдумы и членами правительства при обсуждении величины МРОТ, заключается в отсутствии финансовых возможностей обеспечить более высокую величину минимального заработка в бюджетной сфере. Считается, что, установив высокий уровень минимальной зарплаты, государство столкнется с серьезными финансовыми трудностями.

Между тем и в рекомендациях МОТ, и в трудовом законодательстве развитых стран осуществляется дифференцированный подход к установлению минимального уровня оплаты труда. Величина МРОТ в бюджетной сфере отличается от аналогичного показателя на государственных предприятиях и в частном бизнесе. Нет никакой необходимости равнять минимальную оплату труда в огромной стране по одной линейке. При этом у Государственной Думы развязываются руки. Если повышение оплаты труда в бюджетной сфере требует от государства определенных затрат, то в случае с частными предприятиями этих затрат не нужно – необходима политическая воля.

Практика дифференцированного подхода к установлению величины минимального заработка используется в ряде стран мира достаточно широко. Существует опыт адресного установления МРОТ для отдельных отраслей и даже профессий. Такой подход позволяет совсем с других позиций рассматривать процедуру установления этого минимального рубежа и превращает возможность оказывать влияние на минимальный уровень

оплаты труда в действенный рычаг социальной государственной политики. Но необходимо при этом помнить, что у работника есть или могут быть дети. И если установленная государственным законом величина МРОТ не учитывает этого обстоятельства, то это приходит в противоречие с государственной социальной политикой в области исправления демографической ситуации. Именно с таких позиций необходимо подходить к обоснованию величины МРОТ. Что и делается в странах с развитой экономикой. Вот пример из практики США. Там

считается, что минимальная заработная плата работника, работающего полное рабочее время круглогодично, должна обеспечивать уровень жизни для трех членов семьи работника выше порога бедности, который разработан Администрацией по социальному обеспечению [Никифорова, 1997. С. 90].

Разумеется, Российское государство не может в полном объеме повторить в настоящее время в своей социальной политике практику развитых стран в этой области. Но знание существующих подходов к решению проблемы минимального размера заработной платы представляется важным. В этих странах, как правило, не используют величину прожиточного минимума для определения минимальной величины оплаты труда. В качестве основы расчета используется средняя величина зарплат. В других случаях рассчитываются необходимые средства для нормального существования семьи с учетом социальных потребностей.

России вряд ли в ближайшее время удастся оторваться в социальной политике от использования в планировании изменений уровня жизни величины ПМ. Но необходимо переосмыслить его значение и не ориентироваться на его величину как на цель деятельности по преодолению бедности. Необходимо осознать, что он определяет только границу нищеты применительно к одному работнику без учета его семьи. Поэтому минимальная величина оплаты труда должна быть в последующем приравнена не к прожиточному минимуму, а соответствовать научно обоснованной верхней границе бедности, порогу бедности, который мы назвали «социальный минимум». И содержание продовольственной и социальной потребительской корзины, как основы СМ, должно быть в самое ближайшее время определено и обосновано. Нам представляется, что в нынешней ситуации у государства нет более насущной задачи, чем решение проблемы бедности. И, прежде всего, в рядах работающего населения. Это в значительной степени облегчит решение всех остальных социальных проблем и создаст предпосылки для повышения темпов экономического развития.

Список литературы

- Белоусова С.* Анализ уровня бедности // Экономист. 2006. № 10. С. 64–71.
Беляева Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 52–62.

- Блинов А., Сидорова А.* Проблемы бедности в России и на Украине // Экономист. 2006. № 6. С. 62–67.
- Бобков В. и др.* Уровень социального неравенства // Экономист. 2006. № 3. С. 58–66.
- Гордон Л. А., Головачев Б. В.* Критерии бедности в современной России // ВЦИОМ. 1996. № 6 (194). С. 23–46.
- Иниаков О., Фролов Д.* «Простые люди» и индикаторы развития // Экономист. 2006. № 11. С. 60–66.
- Кадомяца С.* Социальная политика и население // Социологические исследования. 2005. № 9.
- Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
- Конвенция № 26* Международной организации труда «О создании процедуры установления минимальной заработной платы» (Принята в г. Женеве 16.06.28 на 11-й сессии Генеральной конференции МОТ) // <http://bestpravo.ru/fed1991/data04/tex17990.htm>.
- Литвинов В. А.* Правда о вкусной и здоровой пище (показатели потребления в России за 100 лет) // Человек. 2006. № 2.
- Львов С. В.* Образы бедности и богатства в российском общественном сознании // Мониторинг общественного мнения, экономические и социальные перемены. 2007. № 1 (81). С. 34–43.
- Люттов Н. Л.* Коллективные трудовые споры. Сравнительный правовой анализ. М.: ТУ Велби. Издательство Проспект, 2007.
- Мардарь И.* Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск: Б. и., 1992.
- Никифорова А. А.* Минимальная заработная плата в странах с рыночной экономикой // Труд за рубежом. 1997. № 4. С. 86–99.
- Пихоя Р. Г.* Почему Хрущев потерял власть // Международный исторический журнал. № 8. 2000.
- Струмилин С.* На плановом фронте (1920–1930 гг.). М.: Госполитиздат, 1958.
- Шибанов А. А.* Как определяли прожиточный минимум в России // Вестник государственного страхования. 2003. № 2.
- Эдуардов С.* Внутренний враг американской экономики слабеет // Утро. 2005. № 8. Авг. // <http://www.utro.ru/articles/2005/08/08/465776.shtml>.
- Ярошенко С. С.* Теоретические модели бедности // Рубеж. 1991. № 8–9. С. 31–44.

Будимир Гвидонович Тукумцев
канд. филос. наук, доцент, научный сотрудник
Социологического института РАН
электронная почта: budimirt@yandex.ru
